

О некоторых особенностях семантической деривации прилагательных в русском языке второй половины XIX в. (на материале писем А. П. Чехова)

Ю. Г. Захарова

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск, Россия);
009687@pnu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу деривационных процессов в семантической структуре прилагательных русского языка второй половины XIX в. В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного, компонентного и контекстуального анализа, представлена возможность использования разработанной в диахронической лингвистике классификации типов деривационных семантических процессов при анализе лексики русского языка XIX в. Письма А. П. Чехова показывают, что семантические изменения в рассматриваемый период были наиболее характерны для относительных прилагательных. Они связаны прежде всего с денотативно-сигнификативным компонентом значения, при этом в новых семемах формировались и коннотативные (отрицательно-оценочные) семы. В значении большинства прилагательных можно наблюдать сдвиг метафорического или образно-ассоциативного характера. Семантическая деривация в ряде случаев опирается на словообразование: стимулом изменения семантики производного слова могло послужить формирование переносного значения в производящем. Сравнительный анализ писем А. П. Чехова с другими источниками позволяет выявить семантические деривационные модели, которые, получив статус узуальных в XIX в., применялись при создании слов (лексико-семантических вариантов), имевших ограниченное или индивидуально-авторское употребление, либо первоначально использовались только в речи, а позднее закрепились в литературном языке.

Ключевые слова: семантическая деривация; денотативно-сигнификативный, коннотативный компонент, лексическое значение, деривационная семантическая модель; семантический потенциал слова.

Some features of the semantic derivation of Russian adjectives in the second half of the XIX century (on the evidence of Chekhov's letters)

Yu. G. Zakharova

Pacific State University (Khabarovsk, Russia); 009687@pnu.edu.ru

Abstract. The article proposes an analysis of derivational processes in the semantic structure of Russian adjectives in the second half of the XIX century. In modern linguistics, *semantic derivation* refers to semantic derivation relations taking place at both the level of synchronous polysemy, and in diachrony at different points of a word's history. *Semantic deviations* represent divergence from the standard semantic development path within a single value. Their significance for historical and lexicological research is that they reveal the real semantic volume of words in the XIX century Russian and thus provide a glimpse of the socio-cultural and linguistic situation of the time. The article uses methods of comparative, component, and contextual analysis which allows using the classification of types of derivational semantic processes, developed in diachronic linguistics for analyses of the vocabulary of the XIX century Russian, to capture transformations of the denotative core of meaning and changes in the pragmatic component. A. P. Chekhov's letters show that semantic changes in the period under review were most characteristic of relative adjectives. They are connected, first of all, with the denotative-significative component of meaning, while connotative (negative-evaluative) semes were also formed within the new semes. One can observe shifts of a metaphorical or figurative-associative nature in the meaning of most adjectives. Semantic derivation in some cases relies on word formation: the stimulus for changing the semantics of a derived word could be the formation of a figurative meaning in the generating word. A comparative analysis of Chekhov's letters vs. other sources allows identifying the semantic derivational models that found their way into Russian in the XIX century as devices for creating new words (lexical-semantic variants); at first they had only limited or author-specific use to later penetrate into the standard (literary) Russian. Thus, *sukonnyy* 'made of woolen cloth' came to mean 'heavy, clumsy, expressionless (about language)'; words meaning 'superficially nice' like *pryanichnyy* 'made of gingerbread' came to mean 'false, sugary, showy'; *teatral'nyy* 'theatrical' got a figurative meaning 'false'; words denoting 'handicraft production or handicraft worker' like *kustarnyy* 'hand-crafted' or *sapozhnik* 'cobbler' came to mean 'shoddy, makeshift, amateurish'.

Many Chekhov's letters contain reflection on the essence of artistic creativity, literary styles, or performance art, which makes his epistolary discourse of special value for analyses of relevant vocabulary segments.

Keywords: semantic derivation; denotative-significative, connotative component, lexical meaning; derivational semantic model; semantic potential of the word.

1. Введение

Термин *семантическая деривация* употребляется в современной лингвистике по отношению как к процессу, так и результату изменений в семантике слова, он применим к синхронии и диахронии.

Анна А. Зализняк понимает под ним «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории» [Зализняк 2001: 15].

Е. В. Падучева полагает, что термин *семантическая деривация* отождествляет в семантическом плане соотношения между значениями слова при полисемии и соотношения между словом и его словообразовательным дериватом. Семантическая деривация «предстает как частный случай обычной лексической деривации — словообразования» [Падучева 2004: 147].

И. М. Некипелова в диахроническом аспекте разграничивает понятия *семантическая деривация* и *семантическое словообразование*. Под семантической деривацией лингвист понимает семантические процессы, приводящие к отклонениям от исходного значения слова, а под семантическим словообразованием — процесс появления нового слова, семантического деривата, т. е. распад полисемии [Некипелова 2011: 36]. Семантическая деривация рассматривается И. М. Некипеловой как процесс расширения семантического объема слова, приводящий сначала к семантическому синкретизму, а затем

к формированию на его основе полисемии. Семантическая деривация — это прежде всего явление речи, а не языка, «поскольку актуализация тех или иных коннотаций оказывается обусловленной контекстом, в котором языковая единица употребляется» [Некипелова 2011: 37].

Рассматривая когнитивный механизм изменения семантической структуры слова, Е. Б. Никифорова приходит к выводу о том, что любые диахронические сдвиги в семантике слова объясняются коммуникативно-прагматическими факторами речемышления, определяющими актуализацию одних сем и нейтрализацию других. Первоначально изменения проявляются на речевом уровне, варьирование происходит в рамках единого значения, что рассматривается автором как проявление динамики в синхронии. Изменение может стать фактом языка (новым лексико-семантическим вариантом слова) в том случае, если оно утвердится в коллективном сознании представителей данной лингвокультуры, преодолет количественный порог словоупотребления [Никифорова 2008: 8].

Е. Б. Никифоровой были проанализированы диахронные процессы в семантике слова на протяжении длительного периода — с XI в. до настоящего времени, разработана классификация типов деривационных процессов в семантике слова.

Первый тип связан с изменением денотативно-сигнификативного компонента значения. Он представлен тремя процессами: девиационным, гиперо-гипонимическим, тропеическим. Девиационные изменения представляют собой модификацию иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. Семантический сдвиг при этом оказывается очень значительным. Такие изменения приводят к появлению диахронических омонимов. Например, глагол *зававляти* в древнерусский период имел значение ‘затруднять, беспокоить’, позднее сформировалось значение ‘приятно занимать, не давать скучать, увеселять’ [Никифорова 2008: 11].

Гиперо-гипонимия связана с актуализацией или нейтрализацией ядерных или периферийных сем при сохранении архисемы. Возникновение новых или нивелирование исконных дифференциальных сем приводит к тому, что первоначальное значение лексемы начинает

соотноситься с новым как родовое с видовым или, наоборот, как видовое с родовым, иными словами, происходит сужение или расширение денотативного объема слова. Так, лексема *платье* исконно реализовала значение ‘одежда’, новый лексико-семантический вариант — ‘женская цельная одежда, носимая поверх нательного белья’. Тропеические сдвиги выражаются в закреплении первоначально переносного, периферийного значения в семантической структуре слова в качестве основного, ср. *забрало* — ‘подвижная часть шлема, опускаемая на лицо для защиты от ударов’ (первоначально — ‘городское укрепление, стена’) [Никифорова 2008: 12].

Второй тип преобразований касается прагматического компонента значений. Его можно назвать коннотативным. Изменяется полюс оценочности лексемы: из положительной — в отрицательную или наоборот; нейтральное слово приобретает отрицательную оценочность.

Рассмотренные Е. Б. Никифоровой процессы можно наблюдать и на отдельном синхронном срезе — например, во второй половине XIX в., и в диахронии при сравнении семантической структуры слов в первой и второй половине XIX в. Таким образом, классификация типов семантических изменений, разработанная Е. Б. Никифоровой, применима и к материалу русского языка XIX в.

Авторы «Словаря русского языка XIX в.» подчеркивают, что лексикограф в ходе работы над словом выявляет не только устоявшиеся элементы семантической структуры, которые получили статус самостоятельного значения, но и такие компоненты, в которых реализуется семантический потенциал слова. Отклонения от стандартного семантического развития в пределах одного значения В. Н. Калиновская и С. А. Эзериня называют *семантическими девиациями*.

Их значимость для историко-лексикологического исследования обусловлена тем, что они дают возможность судить о реальном семантическом объеме слова в русском языке XIX в., социокультурной и языковой ситуации в обществе «во всем ее разнообразии, в поисках говорящими и пишущими наиболее точных и емких средств мыслевыражения» [Калиновская, Эзериня 2017: 146].

2. Деривационные процессы в семантике прилагательных

Материал писем А. П. Чехова, а также сравнительный анализ их с другими источниками позволяет увидеть некоторые тенденции, характерные для развития лексико-семантической системы русского языка во второй половине XIX в. Наиболее яркая из них — появление у ряда относительных прилагательных переносных качественных значений.

В одном из писем А. П. Чехова в одном контексте употребляются прилагательные *деревянный* и *чиновницкий*:

- (1) *Театры здесь необычайно скучны. Видел я «Бедную невесту» и «Холостяка». Игра чиновницкая, бездушная, деревянная.* (А. И. Сумбатову (Южину), 1890) [Чехов: т. 4: 14].

Для прилагательного *деревянный* в этом контексте характерен метафорический сдвиг значения: ‘сделанный из дерева’ → ‘бездушный, неживой, бесстрастный’. Переносное значение слова фиксируется в словарях с 1895 г.: «Напоминающий дерево: деревянный смех, деревянное лицо» [САН: т. 1, вып. 3: 1011].

Похожую историю имело прилагательное *суконный*. В его семантической структуре к концу века формируется переносное (метафорическое) значение, связанное с языком: «*Суконный язык, суконная речь. О грубом, тяжелом, невыразительном языке*» [БАС: т. 14: 1177]. Ср. у А. П. Чехова:

- (2) *Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять.* (А. С. Суворину, 1890) [Чехов: т. 4: 27].

Это значение не нашло отражения в толковых словарях XIX в., ср. у В. И. Даля: «*Суконный язык, картавый, шепелявый*» [Даль-2: т. 4: 358].

По наблюдениям лингвистов, в XIX в. «прецедентное употребление, закрепляясь в системе языка, формирует модель для

последующих семантических изменений у аналогичных лексем» [Калиновская, Эзериня 2019: 78]. Материал писем А. П. Чехова подтверждает эту мысль. В семантическую деривационную модель ‘сделанный из плотной ткани’ → ‘тяжелый, неискusstный, невыразительный (о языке)’ в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова оказалось вовлечено и прилагательное *драповый*:

- (3) *Кроме Вашего, мне известны еще три перевода <...>; переводы плохие, язык драповый.* (А. Н. Плещееву, 1889) [Чехов: т. 3: 306].

В письмах А. П. Чехова употребляется ряд прилагательных, характеризующих художественное творчество и также имеющих отрицательный оценочный компонент в семантике.

Переносное (метафорическое) качественное значение прилагательного *шаблонный* впервые фиксируется в третьем издании словаря В. И. Даля, куда оно было добавлено И. А. Бодуэном де Куртеном: «Шаблонный чертеж, лекальный, во всю величину вещи [**|| заурядный**]» [Даль-3: т. 4: 1386]. Судя по данным [НКРЯ], такое употребление прилагательного отмечается с 70-х гг. XIX в.: *шаблонный либерализм* (1871), *шаблонный человек* (1885), *шаблонные категории* (1881), *шаблонные оправдательные доводы* (1882), *шаблонные мысли*, *шаблонные представления о женской красоте* (1885).

В письмах А. П. Чехова прилагательное в переносном значении встречается в контекстах, связанных с литературными произведениями:

- (4) *Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж <...> о девицах, жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница <...>.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 2: 277].

Семантический сдвиг приводит к морфологическим изменениям — адъектив в качественном значении начинает употребляться и в краткой форме:

- (5) *Фигура писаря в пиджачке и с клочками сена в волосах **шаблонна** и к тому же сочинена юморист<ическими> журналами.* (Н. А. Хлопову, 1888) [Чехов: т. 2: 200].

В обоих случаях писатель использует прилагательное для отрицательной характеристики художественного творчества: банальных, повторяющихся у разных авторов сюжетов и образов.

Прилагательное *бонбоньерочный* (производное от *бонбоньерка*) не отражено в словарях русского языка XIX в. Судя по одному из писем А. П. Чехова, в 80-х гг. XIX в. оно стало употребляться в переносном метафорическом значении — ‘слащавый, неестественный, напоминающий изображения на бонбоньерках’:

- (6) *После «Татьяны» моя пьеса представляется мне **бонбоньерочной**, хотя я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса или же нет.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 3: 93].

Слово в переносном значении встречается также у С. К. Маковского (7) и О. Н. Ольнем (8):

- (7) *Современный «женский портрет» — у нас еще большая редкость, — «женский портрет», не имеющий, разумеется, ничего общего с **бонбоньерочными** «головками» Общества петербургских художников и с декалькомани.* (1910) [Маковский 1910: 18].
- (8) *Ялта надоедала, казалась искусственной, «**бомбоньерочной**».* (1909) [Епишкин 2010].

Качественное значение позволило И. Е. Репину употребить в письме прилагательное в краткой форме:

- (9) *В картинах хорош верх: Кремль и церковь справа с людьми и духовенством; а центр и низ **бонбоньерочны**.* (М. К. Тенишевой, 1896) [Епишкин 2010].

Метафорическая деривационная модель ‘внешне красивый’ → ‘фальшивый, слащавый’ в речи стала складываться с середины XIX в. Например, в семантической структуре прилагательного *пряничный*

на базе переносного значения «обильно украшенный, как будто сделанный из расписных пряников» возник еще один оттенок: «чрезмерно сентиментальный, слащавый» [БАС: т. 11: 605]. Такое употребление слова встречается в работах В. Г. Белинского (*пряничные фразы*), А. В. Дружинина (*пряничные герои*) [БАС: т. 11: 1605].

Позднее в литературном языке по сходной модели сформировалось переносное значение у прилагательного *сусальный*. Первые случаи самостоятельного (вне словосочетания *сусальное золото*) употребления прилагательного в новом значении датируются в [НКРЯ] XX веком:

- (10) *Совсем недавно, после первой революции нашей, совершилось это чудо: воскрешение русской красоты, не сусальной, славянофильской, провинциальной, а строгой, вселенской и вечной.* [Г. П. Федотов. Лицо России. 1919].
- (11) *По всем сусальным кодексам сделана фигура «гносного соглашателя» Микеладзе. И особенно густо насусален конец — апофеоз героя, скомпонованный по всем оперным правилам, согласно коим, как известно, полагается говорить уже не «рот», а «уста», и не «глаза», а «очи» (...).* [Е. И. Замятин. О сегодняшнем и о современном. 1924] и др.

В приведенных примерах прилагательное *сусальный* используется в значении ‘фальшивый, отвечающий какому-либо шаблону, стереотипу, противоречащий художественной правде’.

Адъектив *пьесочный*, который встречается в письме А. П. Чехова, можно отнести к потенциальным словам в русском языке конца XIX в. По-видимому, он создан по образцу прилагательного *опереточный*, первые примеры употребления которого датируются в [НКРЯ] 80-ми гг. XIX в. В других источниках, у других авторов прилагательное *пьесочный* не встречается. В письме А. П. Чехова оно употреблено в качественном значении, появившемся путем метафоризации, — ‘вычурный, сценический’:

- (12) *Фамилии «Ратищев» и «Муратов» слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратищеву малороссийскую фамилию — для разнообразия.* (А. С. Суворину, 1900) [Чехов: т. 9: 23].

А. П. Чехов использовал семантическую деривационную модель ‘относящийся к сценическому искусству’ → ‘ненастоящий, неправдоподобный’, которая начала формироваться в русском языке с первой половины XIX в.: *драматический* — «рассчитанный на определенный эффект; искусственный, театральный, деланный» [БАС: т. 3: 1088]; *сценический* — «такой, как на сцене, в театре; искусственный, театральный, деланный» [БАС: т. 14: 1301]; *театральный* — «характеризующийся театральностью (во 2-м знач.), внешне эффектный, искусственный» [БАС: т. 15: 185]; *опереточный* — «перен. карикатурный, такой, что нельзя принимать всерьез, похожий на представляемого в оперетте (шутл.-ирон.) [Ушаков: т. 2: 816].

Появление качественных значений было свойственно в русском языке XIX в. и для адъективированных причастий [Сорокин 1965: 535].

В письмах А. П. Чехова глагол *зализывать* (*зализать*), краткие причастия *зализано*, *зализан* и адъективированное причастие *зализанный* употребляются в переносных метафорических значениях «подвергнув произведение излишне тщательной отделке, лишить его индивидуальности, сделать банальным» [ТСРРР: т. 1: 607], «о продукте творческой, интеллектуальной, профессиональной и т. п. деятельности: излишне отделанный, лишенный индивидуальности» [ТСРРР: т. 1: 606]. Письма были написаны в 80–90-х гг.:

- (13) *Мой совет: в пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным (...). Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. Краткость — сестра таланта.* (Ал. П. Чехову, 1889) [Чехов: т. 3: 188].
- (14) *Только пишите именно так, чтоб было наворочено и нагромождено, а не зализано и сплюснуто. Мне надоела зализанная беллетристика, да и читатель от нее скушает.* (А. С. Суворину, 1888) [Чехов: т. 3: 105].
- (15) *Шапиро прислал мне мои карточки, на которых я зализан и похож на святого.* (А. С. Суворину, 1895) [Чехов: т. 6: 59].

В кратких причастных формах доминирует глагольная семантика, а полное причастие *зализанная* уже обладает качественным значением прилагательного.

Переносные значения глагола и адъектива (а также производных от него) впервые фиксируются в Словаре Императорской Академии наук в 1901 г. Судя по примерам, эти лексемы в новых значениях первоначально были свойственны профессиональной речи художников, характеризовали произведения живописи, ср.:

- (16) *Портреты носят на себе отпечаток кисти этого профессора: **зализанность**, рельефность резких черт, отсутствие определенного выражения в лице...* (1861)
- (17) *Освоилась со словом «**зализать**» и «компоновка» (в портретной живописи).* (1882)
- (18) *(На картине) **зализанности**, обсахаривания, мармеладничанья нет и следа.* (1899) [САН: т. 2, вып. 5: 1339–1140].

По письмам А. П. Чехова видно, что к 80-м гг. сфера употребления семантических дериватов слов *зализать* (*зализывать*), *зализанный* стала шире рамок жаргона художников: они применяются по отношению к языку литературного произведения, результату нехудожественной профессиональной деятельности.

Прилагательное *чиновницкий* входило в группу слов, которые были мотивированы названиями профессий (рода занятий) и приобрели во второй половине XIX в. негативно окрашенные образно-ассоциативные переносные значения под влиянием семантики их производящих основ (ср. *ремесленник* — *ремесленничество*, *генерал* — *генеральство*, *кулак* — *кулацкий*, *сапожник* — *сапожнический*, *чиновник* — *чиновницкий*, *колбасник* — *колбасничество*, *квасер* — *квасерство* и др.) [Захарова 2016: 230].

В семантической структуре слова *чиновник* на протяжении XIX в. путем ассоциативного переноса сформировалось значение «человек, ограничивающийся в каком-нибудь деле формальным выполнением обязанностей» [БАС: т. 17: 1036]. На базе этого значения у производных прилагательных *чиновничий*, *чиновнический*,

чиновницкий (см. пример выше) во второй половине столетия возникает новый лексико-семантический вариант — ‘казенный, пустой, бездушный’:

- (19) *В самом деле, в комиссии собрались все чиновники, но не чиновничьего закала, не с чиновничьей душой.* (И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856) [НКРЯ].
- (20) *Возбужденная толпа, большею частью обманутая своими вожаками, ничего не понимает из того, что говорит чиновничьим, книжным языком представитель власти <...>.* (Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас <...>. 1893) [НКРЯ].

Прилагательное *чиновницкий* не встречается в [НКРЯ], в словарях XIX в., единственный пример с ним в [БАС] приведен из цитированного выше письма А. П. Чехова. По-видимому, авторство слова принадлежит писателю.

Существительное *сапожник* в третьем издании словаря В. И. Даля фиксируется только в прямом значении [Даль-3: т. 4: 33], однако материал писем А. П. Чехова свидетельствует о том, что к концу века в значении слова наблюдался сдвиг ассоциативного характера. Слово начинает употребляться в значении ‘неумелый, неискусный в работе человек’ (простореч.) [БАС: т. 13: 177]:

- (21) *Пастухов сапожник, а не редактор: он не смел, каналья он такая, писать Вам, литератору, канцелярским способом, т. е. подписываться под письмом, написанным писарской рукой.* (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1889) [Чехов: т. 3: 176].
- (22) *В Сумах есть театр. <...> Видел я «Вторую молодость». Сапожники.* (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1889) [Чехов: т. 3: 206].

В одном из писем встречается метафора, связанная с писательским творчеством:

- (23) *Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши.* (А. С. Суворину, 1890) [Чехов: т. 4: 36].

Эта метафора (инструмент писателя — перо — сравнивается с сапожной щеткой) помогает понять, какие ассоциации с профессией могли сыграть роль при формировании переносного значения слова *сапожник* в конце XIX в.: грубые, примитивные орудия труда; простая, не требующая большого мастерства работа.

О семах в составе переносных значений слов типа *чиновник*, *сапожник* Д. Н. Шмелев писал: «В известном смысле это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово (...) Эти ассоциации образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов и тем самым предопределяя потенциальную направленность их «переносного» употребления (...)» [Шмелев 1973: 193]. Материал писем русских писателей показывает, что во второй половине XIX в. в языке и речи формировалась тематическая парадигма «ремесленные профессии», объединенная ассоциативными семами ‘плохой’, ‘некачественный’: *ремесленник*, *сапожник*, *колбасник* (ср. также *мясник* («ирон. о плохом хирурге» [БАС: т. 6: 1449]), *коновал* («бранно о плохом враче» [САН: т. 4, вып. 6: 1844]).

Под влиянием переносного значения слова *сапожник* в производном *сапожницкий* сформировалась новая семема ‘плохо, неискусно сделанный’:

(24) *Чтобы написать для театра хорошую пьесу, нужно иметь особый талант (можно быть прекрасным беллетристом и в то же время писать сапожницкие пьесы).* (А. Н. Плещеву, 1889) [Чехов: т. 3: 138].

Семантика некоторых качественных прилагательных в русском языке изучаемого периода также изменялась. В семантической структуре слова *чумазый* в конце XIX в. появились два переносных значения ассоциативного типа.

Первоначально под влиянием публицистических работ М. Е. Салтыкова-Щедрина в субстантивированном прилагательном сформировалось переносное отрицательно окрашенное, социально мотивированное значение «предприниматель, богатей из мужиков» [БАС: т. 17: 1198]:

- (25) *«Чумазный человек» — в виду у всех (...). Нет нужды, что он еще недостаточно поскоблится, что он не тронут наукой и равнодушен к памятникам искусства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: распивочно и навывнос... (...) Ему ни «общество», ни «отечество», ни «правда», ни «свобода» — ничто ему доподлинно не известно! Ему известен только грош — ну, и пускай он наделает из него пятаков! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мюнрепо. 1878–1879 гг.) [Салтыков-Щедрин: 382–383].*
- (26) *Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе. Остались бы «чумазые» с их исконным стремлением расщипать общественный карман до последней нитки. Идет чумазный, идет! (...) Идет с фальшивою мерою, с фальшивым аршином и с неуголимою алчностью глотать, глотать, глотать... (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни. 1886–1887) [НКРЯ].*

Письмо А. П. Чехова свидетельствует о том, что в последнее десятилетие века субстантиват *чумазный* приобрел еще одно значение — ‘человек из низшего сословия, простолюдин’:

- (27) *Кстати: нет ли у Вас чего-нибудь из старого товара, из давнего, что мог бы попросить у Вас для себя «Посредник»? (...) У них, т. е. у «Посредника», два сорта изданий: один для благородной публики, другой — для чумазных. Так вот дайте для благородной. (Н. А. Лейкину, 1899) [Чехов: т. 5: 196].*

В том же значении слово *чумазный* употребляется и в романе П. Д. Боборыкина «Василий Теркин» (1892):

- (28) *В галерее ему пришлось жутко от празднично приодетого «мужичья». Он за этот год, — прошло ровно столько со спуска парохода «Батрак», — стал еще брезгливее по части простого люда, находил, что «чумазого» слишком распустили, что он всюду «прет» со своим «неумытым рылом». [НКРЯ].*

Отметим, что новые значения лексемы *чумазый* в словарях XIX в. не отражены.

3. Выводы

Письма А. П. Чехова содержат интересный материал для исследования различных процессов в семантике прилагательных русского языка XIX в. Рассмотренные примеры позволяют выявить несколько семантических деривационных моделей, которые нашли отражение как в литературном языке, так и в области окказионального словообразования.

Наиболее высоким потенциалом для формирования семантических дериватов во второй половине XIX в. обладали относительные прилагательные. Это может объясняться характером их семантики: конкретность, осязаемость, «предметность» значения относительного прилагательного, заданная производящим словом (*дерево, сукно, драп, шаблон, бонбоньерка*), при семантической деривации порождает яркую метафору, позволяющую с максимальной точностью обозначить качественный признак.

Развитие переносных значений у ряда прилагательных было связано с особенностями осмысления художественного (писательского, театрального, живописного) творчества в России XIX в.: с 20–30-х гг. XIX в. в русской критике с особой остротой встает вопрос об адекватности отражения в литературе и искусстве явлений действительности [Сорокин 1965: 462], что способствовало формированию семантических деривационных моделей ‘относящийся к сценическому искусству’ → ‘ненастоящий, неправдоподобный’, ‘внешне красивый’ → ‘фальшивый, шаблонный’, ‘внешне красивый’ → ‘неестественный, слащавый’, особенно продуктивных во второй половине столетия.

Появление переносных значений у некоторых относительных прилагательных (*чиновницкий, сапожницкий*) было вызвано формированием в значениях производящих существительных ассоциативных сем, получавших узуальный статус.

Многим письмам свойственна рефлексия по поводу сущности художественного творчества, языка литературных произведений, сценического мастерства, поэтому эпистолярный дискурс А. П. Чехова особенно ценен для анализа соответствующих групп лексики.

Литература

- Зализняк 2001 — Анна А. Зализняк. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
- Захарова 2016 — Ю. Г. Захарова. Потенциальные и окказиональные слова в письмах Ф. М. Достоевского // Е. В. Кулеш (ред.). Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур. Материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой», 16–17 ноября 2016 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2016. С. 228–232.
- Калиновская, Эзериня 2017 — В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Семантические девиации русской лексики XIX века: взгляд лексикографа // Е. П. Осипова (отв. ред.). И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017 г. С. 145–151.
- Калиновская, Эзериня 2019 — В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Материалы международной научной конференции «Вторые Григорьевские чтения: Неология как проблема лингвистической поэтики». 2019. Вып. 19. С. 77–84.
- Некипелова 2011 — И. М. Некипелова. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2011. № 2 (14). С. 33–46.
- Никифорова 2008 — Е. Б. Никифорова. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2008.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е — 90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.
- Шмелев 1973 — Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Источники

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Даль-2 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998.
- Даль-3 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. И. А. Бодуэн де Куртенэ (ред.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.
- Епишкин 2010 — Н. И. Епишкин. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. URL: <http://galicismes.academic.ru> (дата обращения 02.12.2020).
- Маковский 1910 — С. К. Маковский. Женские портреты современных русских художников // Аполлон. 1910. № 5. С. 18–23.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.12.2020).
- Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо // Собрание сочинений в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. С. 265–407.
- САН — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891–1916.
- ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Т. 1. Л. П. Крысин (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Ушаков — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940.
- Чехов — А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1–9. М.: Наука, 1974–1980.

References

- Kalinovskaya, Ezerinya 2019 — V. N. Kalinovskaya, S. A. Ezerinya. Semanticheskie derivatsii v russkom yazyke XIX veka: sistemnoe i individualno-avtorskoe

- [Semantic derivations in the Russian language of the XIX century: system and individual-author derivations]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Vtorye Grigorevskie chteniya: Neologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki"*. 2019. Iss. 19. P. 77–84.
- Kalinovskaya, Ezerinya 2017 — V. N. Kalinovskaya, S. A. Ezerinya. Semanticheskie devyatsii russkoy leksiki XIX veka: vzglyad leksikografa [Semantic deviations in the Russian vocabulary of the XIX century: a lexicographer's perspective]. E. P. Osipova (resp. ed.). *I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21–23 sentyabrya 2017 g.* [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. A collection of papers presented to the international scientific and practical conference, September 21–23, 2017]. Ryazan: Ryazan S. A. Yesenin State University Press, 2017. P. 145–151.
- Nekipelova 2011 — I. M. Nekipelova. K voprosu o razgranichenii ponyatiy *semanticheskaya derivatsiya* i *semanticheskoe slovoob-razovanie* v diakhronicheskom aspekte [On distinctions between the concepts of *semantic derivation* and *semantic word formation* in the diachronic perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2011. No. 2 (14). P. 33–46.
- Nikiforova 2008 — Ye. B. Nikiforova. *Semanticheskaya evolyutsiya leksitsheskoy sistemy russkogo yazyka: tendentsii, vektory, mekhanizmy* [Semantic evolution of the Russian lexical system: trends, vectors, mechanisms]. Doctoral thesis. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University, 2008.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.
- Shmelev 1973 — D. N. Shmelev. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Vocabulary: problems of semantic analysis]. Moscow: Nauka, 1973.
- Sorokin 1965 — Yu. S. Sorokin. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e — 90-e gody XIX v.* [Russian literary vocabulary development in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Zakharova 2016 — Yu. G. Zakharova. Potentsialnye i okkazyonallye slova v pismakh F. M. Dostoevskogo [Potential and occasional words in F. M. Dostoevsky's letters]. E. V. Kulesh (ed.). *Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kultur. Materialy Mezhdunarodnogo foruma "Vostochnyy vektor migratsionnykh protsessov: dialog s russkoy kulturoy"*, 16–17 noyabrya 2016 g. [Russia in the global society: the semantic space of the dialogue of cultures. Proceedings of the International forum "The Eastern vector

of the migration processes: a dialogue with the Russian culture”, November 16–17, 2016]. Khabarovsk: Pacific State University Publishing House, 2016. P. 228–232.

Zaliznyak 2001 — Anna A. Zaliznyak. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt “Kataloga semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchrony and diachrony: “A semantic transitions catalogue project”]. *Voprosy yazykoznanija*. 2001. No. 2. P. 13–25.